

ПОКОЛЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ НАСЛЕДИИ ЭРНСТА ЮНГЕРА

С. В. Артамошин

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

Поступила в редакцию 13 июня 2024 г.

Аннотация: *предпринят анализ образа военного поколения Великой войны на примере творчества германского интеллектуала и писателя Эрнста Юнгера. Творчество Э. Юнгера является знаковым для понимания исторической памяти о войне, так как в своих работах он старался не только фиксировать происходящее, но и понять мотивацию действий участников сражений. В исторической памяти Германии его книга «В стальных грозах» стала ярким примером фиксации исторической памяти о войне, приобрела всемирную известность и стала одной из центральных работ по истории войны и военного поколения. Анализируются образы войны и предпринимается попытка понимания мотива действий участников. Исследуются способы трансляции исторической памяти о войне, использованные Э. Юнгером для передачи военных переживаний участников войны германскому населению. Представляется, что через демонстрацию военных переживаний автор старался показать глубинную связь между ветеранами войны и глобальными мировыми процессами Первой мировой войны. Рассматривается постановка проблемы военного поколения как «потерянного поколения» и отношение к данной оценке Э. Юнгера.*

Ключевые слова: Эрнст Юнгер, Первая мировая война, военное поколение 1914 г., военные переживания, «потерянное поколение», историческая память, Западный фронт 1914–1918 гг.

Abstract: *the article analyzes the image of the military generation of the Great War using the example of the work of the German intellectual and writer Ernst Jünger. The work of E. Junger is significant for understanding the historical memory of the war, since in his works he tried not only to record what was happening, but also to understand the motivation for the actions of the participants in the battles. In the historical memory of Germany, his book «In Storms of Steel» became a striking example of recording the historical memory of the war, gained worldwide fame and became one of the central works on the history of the war and the military generation. The article analyzes images of war and attempts to understand the motive behind the actions of the participants. The methods of broadcasting the historical memory of the war, used by E. Junger to convey the military experiences of war participants to the German population, are explored. It seems that through the demonstration of war experiences, the author tried to show the deep connection between war veterans and the global world processes of the First World War. The article discusses the formulation of the problem of the military generation as a «lost generation» and the attitude of E. Junger to this assessment.*

Key words: Ernst Junger, World War I, military generation of 1914, war experiences, «lost generation», historical memory, Western Front 1914–1918.

Окончание Великой войны в 1918 г. было лишь краткой остановкой в ее продолжении, которое в перспективном развитии приобретало различные формы выражения: политическое противоборство, националистические столкновения при оформлении новых государственных границ, политические или военные гражданские войны, сопровождаемые насилием, душевные трещины и катастрофы, которых исчезал привычный мир. Все менялось. Все неожиданно оборвалось. Для Э. Юнгера оставалась важной проблема осмысления войны, приобретенного опыта, так как война, как ни парадоксально звучит, остава-

лась для него важным делом, миром, из которого он начинал объективно выпадать, но с которым желал сохранить связь, ведь он был практически всем, что он имел. Поэтому избавляться от этого наследия он не собирался, напротив, старался понять то, что произошло в Великую войну.

Э. Юнгер на протяжении длительного времени так или иначе возвращался к теме войны в своем творчестве именно в контексте ее понимания, через что он надеялся понять и себя, свое место в том процессе. Можно отметить характерную черту его подхода, состоящую в отказе от осуждения и отвержения военного опыта, а его принятие как опыт данный, полученный через страдание, страх, боль. Здесь, прежде всего, находится принятие опыта как части соб-

ственной личности, возвращенной там, в пространстве смерти, и еще живущей в нем через воспоминания и сны. В этом не было тупого милитаризма, жажды восхваления войны и возвышения смерти. Скорее здесь присутствовало принятие жизни в том виде, в котором она была, ведь и он сам, фронтовик окопной войны Западного фронта, был тесно связан с тем процессом, который называли Великой войной. Причастность к этому величию он ощущал достаточно ясно, чтобы не сместиться в плоскость политической конъюнктуры осуждения. Это была его жизнь и его выбор. Но здесь важно подчеркнуть, что уже с этого момента Э. Юнгер начал стремиться к рефлексии, а не просто отражению и фиксации увиденного, так как осмысление процесса давало ему смысл.

В 1920-е гг. рассуждения о войне характеризовались, с одной стороны, остротой восприятия, с другой стороны, желанием с дистанции увидеть динамику всего потока, понять внутреннюю природу через понимание мотивов действий его участников. Э. Юнгер воспринимал свою биографию не как нечто исключительное, а как составную часть биографии поколения. Он полагал, что «мой основной опыт, выражающийся процессом самой моей жизни, не что иное, как типичный жизненный опыт моего поколения, его вариация, связанная с мотивом времени, быть может, обособленная разновидность, но отнюдь не выпадающая из родовых признаков» [1, с. 108]. Он относил себя к тому поколению молодежи, которое в тяжелое военное время посчитало для себя невозможным оказаться вне происходящего, поэтому их выбор означал для них участие в войне. В этом просматривалась связь с судьбой народа и государства, становившегося его судьбой. В этом было проявление мужества и характера, допускающего молодого солдата в особый мужской мир, включение его в особую категорию людей, которую Э. Юнгер называл знатностью или аристократизмом. Он видел проявление знатности в чертах одного из тех «юных солдат последнего военного года, которые променяли школьный портфель на винтовку. Его фигура почти исчезла под перегруженным ранцем. Вид этого благородного юноши, тащившего ночью сквозь дождь и огонь, сквозь темноту, незадолго до своей смерти, молча и храбро два больших ящика с боеприпасами, слишком тяжелых для него, принадлежит к плодотворным картинам, сохранившимся в моей памяти» [там же, с. 252]. В этом проявлялся характер.

Несмотря на горечь потери, которая звучит в его словах, она оттеняется стойкостью и решительностью. Солдат гибнет на войне, но важным является то, как он проявляет себя, что лежит в основе его поступков. В этом Э. Юнгер видел исключительность момента, который обобщенно называется героизмом. Он писал: «Не могу не вспомнить молодого друга,

почти безо всякой военной подготовки, прямо из транспортного поезда попавшего во Фландрии в ночную атаку. В то время как старые солдаты вокруг него давно залегли в укрытии, он, как дитя, шагал по незнакомой, брызжущей огнем местности, а впоследствии признавался, почти в смущении, что его при этом занимала одна мысль: что если залечь “не подобает?”. Так он шел вперед, пока его не поверг на землю снаряд, и уже теперь, когда я вижу его в дверях с искалеченным плечом, я испытываю чувство благодарности – за то, что вопреки всему мы живем в эпоху, когда детские мечты не совсем разочаровывают. Неправда, будто Плутарх лгал, Ариост же еще правдивее» [там же, с. 234]. Следует заметить, что этот «молодой друг», о котором он писал, был его родной брат Фридрих Георг, спасенный им из санитарного блиндажа во Фландрии.

В представлении Э. Юнгера поколение войны своими яркими и лучшими представителями было отражением рыцарства, которое превратилось в тонюсенькую струйку в смешивающем все потоке нивелирующего равенства. Оно становилось отмирающим общественным элементом, выразителем которого были те, кто соединял перо и меч. В военных дневниках Второй мировой войны он подчеркивал: «Я причисляю его (Анри де Монтериана. – С. А.) вместе с Т. Э. Лоуренсом, Сент-Экзюпери и Кентоном к крайне малочисленному, однако возвышенному рыцарству, выросшему на полях мировой войны. Лишь когда жар остывает, из черного угольного флюса появляются алмазы» [5, с. 185]. Рыцарство отмирало вместе с монархией. Они оба становились лишними в обществе безблагородства, а с ними, как элементами социальных отношений, становились ненужными и анахроническими качества и ценности благородства. Позднее, размышляя над словами У. Черчилля: «Поле битвы быстро зарастает травой, эшафот никогда», он отмечал, что «Черчилль, вероятно, подразумевал эшафот Карла I. Это был еще XVII век – здесь, а не на площади Согласия, закончилась легитимная монархия». Рыцарство выражалось не столько в словах, сколько в поступках, что и представляло собой ценность. Так, «маршал Ней отказался встать на колени, не дал завязать себе глаза. Рыцарство проявляется вплоть до наших дней, хотя оно, в сущности, умерло уже в XVII столетии. Оно было знакомо Сервантесу, Ариост оставил о нем блестящую память. В эпоху равенства сталкиваешься уже не с равными, а с анонимами; уважительное обращение исчезает. Ведь даже презрение еще предполагает адресата» [3, с. 90–91]. Самоотверженные поступки, совершаемые решительными людьми, становятся средством, приносящим политическую прибыль. Их самопожертвование используется ради политической деятельности, о чем они даже не за-

думывались, что также выступает подтверждением отрицания рыцарства как явления. Э. Юнгер подчеркивал, что «знал много таких и восхищался ими: сегодня, когда я о них вспоминаю, мне, как в закрытой от мира тюрьме, боль сдавливает горло. Занд, Хофер, Шлагетер. Сперва ты расплываешься кровью и жизнью, потом приходят совершенно другие, извлекают из этого прибыль, и в итоге появляются памятники» [там же, с. 87]. Самоотверженность превращается в сырье политического успеха, в мародерство, использующее это в целях, никак не связанных с теми мотивами, которые определяли сам поступок.

В своем стремлении понять суть Великой войны Э. Юнгер сумел уловить не только изменения средств войны, поведения и духа солдата, но и временную трансформацию восприятия войны, что указывает не просто на стремление к фиксации увиденного, а на желание понять глубину произошедших изменений. Колоссальность использованных средств служила основанием для утверждения о наступлении войны нового типа. Э. Юнгер утверждал, что в Великой войне «отдельная судьба сошла на нет перед борьбой, разыгрывающейся в таких масштабах. Затерянность в пространстве смертельного одиночества, от которого нигде скрыться, мощь стальных дальнобойных машин, невозможность передвигаться не иначе как ночью выдавали за произошедшее застывшую маску титана. В смерть бросались, не помня себя, и она настигала, приходя неизвестно откуда. Рассчитанный выстрел искусственного стрелка, прицельный огонь орудий вместе с восторгом единоборства уступили место неразборчивому пулеметному огню и сконцентрированным артиллерийским ударам. Решение можно было вычислить арифметически: кто накрыл определенную площадь в квадратных метрах большим количеством снарядов, тот зажимал уже победу в собственном кулаке. Грубый натиск масс на массы, кровавая схватка производства с производством, изделий с изделиями – вот что такое была битва» [4, с. 44–45]. Данная интерпретация войны стала характерной чертой его философского взгляда в дальнейшем. Часто это воспринималось как апология войны, так как акценты на смысловые компоненты носили брутальный характер, который не предполагал иных суждений. И так случилось, что панорама войны, человека на войне, предложенная Э. Юнгером, стала как для участников, так и противников войны милитаристским гимном Великой войне, что во второй половине XX в. звучало как приговор. Вместе с тем следует указать на односторонне политизированную интерпретацию юнгерской книги, в которой сторонники национализма, также как пацифисты и левые, находили для себя аргументы. Конечно, Э. Юнгер никогда не осуждал Великую войну, так как это означало бы осквернение памяти погибших и

осуждение себя, сожжение собственной молодости, которая и без того прошла огонь сражений, испытаний и не раз глядела в лицо смерти. Гордился ли он этим? Гордился тем, что принадлежал к поколению, которому выпало на долю пройти суровые испытания Великой войны и выжить в ней. Неужели у Э. Юнгера не находилось слов осуждения того, что несла собой война: потери, гибели людей в ней. Не нужно долго искать, чтобы увидеть, что с превознесением героического поступка проступает со страниц боль утрат, гибель солдат, которыми он командовал, офицеров, с которыми он служил. В его словах присутствует суровая воинственность. Войны не выбирают, в них участвуют. Каждый выносит из нее свое, и каждое суждение достойно внимания. Представлять Э. Юнгера прямолинейным милитаристом означает ничего не понять из того, что было им написано. Можно привести его свидетельство лета 1918 г., говорящее о том, насколько изменилось восприятие войны с 1914 г.: «В эти минуты в меня закрадывалось чувство, до сих пор чуждое: глубокая перемена в ощущении войны, происходящая от затянувшейся на краю бездны жизни. Сменялись времена года, приходила зима и снова лето, а бои все шли. Все устали и притерпелись к лику войны, именно эта привычка заставляла видеть все происходящее в совершенно другом, тусклом свете. Никого больше не ослепляла мощь ее проявлений. Чувствовалось, что смысл, с которым в нее вступали, иссяк и не удовлетворяет больше, – борьба же требовала все новых суровых жертв. Война подбрасывала все более сложные загадки. Странное это было время» [5, с. 299].

Символика военного времени выражалась в фигуре солдата, ведь не техника, а человек были участниками боев. Не случайно впоследствии иллюстрацией обложек многих книг о войне стала одинокая фигура солдата. Э. Юнгер видел в ней тип, «стержень, который организует целое» [6, с. 136]. Этот образ сохранял для него значение и впоследствии был введен им в теорию рабочего как важный этапный компонент формирующейся картины индустриального мира. В связи с этим он отмечал, что «один из первых представителей активного типа воплощен в фигуре безымянного солдата, – в этом примере, кроме того, уже вполне отчетливо выражен и культовый ранг работы. Мировая война, как явление XX века, представляет собой вовсе не сумму национальных войн. Скорее в ней следует видеть обширный трудовой процесс, в котором нация играет роль рабочей величины. <...> Герой этого процесса, безымянный солдат, выступает носителем максимума активных добродетелей: доблести, готовности и воли к жертве. Его добродетель заключается в том, что он может быть замещен и что для каждого павшего в резерве уже имеется смена. Его критерий – это критерий веще-

ственного, безусловного результата, и потому он в первую очередь является революционером *sans phrase*. Вследствие этого на второй план отодвигаются все другие точки зрения, отступает даже тот фронт, где сражаются и гибнут. В этой перспективе существует, конечно же, глубокое братство между врагами, братство, которое будет вечно не доступно для гуманитарной мысли» [7, с. 230–231].

Фигура безымянного солдата выступает как защитник ценностей, рождавшихся в войне нового типа, одновременно являясь связующим компонентом преемственности старой и новой армии. Э. Юнгер объединял безымянного солдата и часового, неизвестного и того, кто всегда присутствует в траншее, охраняя позиции и жизнь сослуживцев. В этом он видел выражение нового мировоззрения, произрастающего в траншеях мировой войны. «Единственное утешительное воспоминание связано с мгновениями войны, когда внезапная вспышка взрыва выхватывает из темноты одинокий образ часового, который должен был там стоять уже давно. Вы – братья, в этих бесчисленных, ужасных ночных стражах собравшиеся в темноте сокровище для Германии, которого хватит навеки. Культ одиноких возникает из жажды братства, более безымянного, из тяги к духовному единению, более глубокому, чем это свойственно людям» [1, с. 114]. Утверждение о единстве переживаний участников войны выражено в единении символического и телесного, в том, что отличает солдата от других людей, – отметины войны, оставленные на теле. Они есть неумолимые свидетельства и одновременно гордость от принадлежности к воинскому сословию. «Не существует знамен помимо тех, которые носят на теле» [7, с. 160].

Э. Юнгер не относился к категории людей, которые восторгались войной как формой выплеска агрессии, для которых война становилась самоцелью. Также он не был тем, кто видел в ней только ужас разрушения и смерти, и рассматривал ее только как проявление боли. Скорее, он был из числа тех, кто от колебаний взрывных волн старался устоять на ногах как оловянный солдатик и брошенный в бушующее море стремился выстоять. Стойкость и принятие неизбежного позволяли избежать крайностей. При этом осознание опасности было абсолютным. Он понимал все то, что несла с собой война, которая повсюду «безучастно выталкивает жизнь» [4, с. 78]. Первоначальный юношеский порыв восприятия войны как стиля «эмоций и роз» в послевоенное время приобрел совершенно иной ракурс, что было естественно, но в нем не было остервенелой злобы в отношении войны, не как явления, а как события, через которое он прошел, ставшего частью его тела и души. Его не вырвешь с кровью просто так, как нечто чуждое и инородное, только если разорвав себя на части. По-

этому пацифистское слово «оправдание войны», на наш взгляд, слишком топорно и примитивно передает тот комплекс восприятий, которые Э. Юнгер старался высказать. Можно отметить, что в них он дистанцируется от крайностей, подчеркивая, что «тот, кто усматривал в ней лишь грубое, варварское, вышелушивал одно лишь качество из гигантского комплекса, как и тот, кто видел в ней лишь патристическую героину» [там же, с. 56]. Осознание этого момента произошло у Э. Юнгера достаточно рано, примерно в 1915 г., когда он отметил, что «эта война была чем-то большим, чем просто великой авантюрой» [5, с. 64]. Можно увидеть в его восприятии двойной слой, создающий единую картину – ощущение участника, живописующего в суровом, холодном воинском стиле батальное полотно, происходящее вокруг него и в котором он участвует сам, и рефлексии наблюдателя, стремящегося за чередой целенаправленных или хаотичных действий участников разглядеть структурную трансформацию мира и человека, титанический сдвиг пластов эпохи, проступление сквозь трещины старого, нового качества, провозглашающего изменение. В ницшеанском стиле, заимствуя терминологию и образы Ф. Ницше, Э. Юнгер использует Великую войну как ключ к изменению времени, отмечая, что «то была разрушительная война, сконцентрированная ярость против тайного средоточия, событие на поверхности Запада. Наш строевой нигилизм несколько лет работал с динамитом и, отказываясь от невзрачнейшего фигового листка вопросительности, расстреливал девятнадцатый век – нас самих с нашей почвой и основой; лишь в самом конце смутно обнаружили люди и средства двадцатого века. Мы объявили войну Европе как добрые европейцы» [1, с. 210–211]. Представляется, что для Э. Юнгера имело значение изменение человека. В этом была суть, а не в войне техники и наступлении технического века.

В своем первом опыте написания сюжетной прозы, в повести «Лейтенант Штурм», Э. Юнгер не только персонифицировал себя с главным героем, что достаточно понятно, но стремился через него высказать сокровенные мысли и ощущения, которые как золотой песок осели на дне человеческой души. «Можно ли было представить себе большую разницу, чем разница между человеком, любовно погружающимся в состояние, когда еще текучая жизнь скапливается вокруг мельчайших ядрышек, и тем, кто хладнокровно метил в существо высокоразвитое? Ибо тот, который там, вполне мог бы учиться в Оксфорде, как он – в Гейдельберге. Да, он стал совсем другим не только в своей деятельности, но – и это было существенно – и в своем самочувствии. Ибо, что он ни на мгновение не раскаивался, а, скорее, наоборот, ощущал удовлетворение, указывало на глубочайший

нравственный сдвиг. И это происходило с неисчислимым множеством тех, кто подстерегал друг друга вдоль бесконечных фронтов. Новое восприятие мира рождалось в новом поколении, проходящем через древнейший опыт» [4, с. 56]. Как ни парадоксально это может звучать, но в его образе войны проступала человечность, слова воина, звучавшие без сентиментальных вздохов, с глубоким пониманием побед и поражений, жизни и смерти. Поэтому не случайно, что прошедшие огонь Великой войны услышали в его словах близкую для них картину, которая, возможно, мало приятна для взгляда гражданского человека, не имеющего этого опыта, поэтому и видевшего в нем героизацию милитаризма. Э. Юнгер с полным основанием мог утверждать о том, что ему «удалось вырвать войну из обывательских зубов, что нелегко в эпоху всеобщей воинской повинности и за что не один храбрый парень высказал мне свою благодарность» [1, с. 225–226]. Конечно, сказанное относилось, прежде всего, к произведению «В стальных грозах». Однако высказать это в форме прозаического рассказа, более приятного для массового читателя, он попытался в «Лейтенанте Штурме». Это была не только попытка поиска формы написания военной прозы, но и способ выйти на массового читателя, для которого квинтэссенция «стальных гроз» выражалась в героико-приключенческом жанре. Но важным является способ донести ощущение войны до немецкого читателя. То, что Э. Юнгер долгое время не вспоминал об этой повести, говорит о том, что данный опыт он не считал удачным. Однако относительно осмысления войны и комплекса военных переживаний именно в ней присутствует его желание обобщить и понять войну с дистанции времени.

Пространство восприятия войны для Э. Юнгера ограничивается небольшим участком фронта, а группа участников составляет роту. Это означает, что картина представляет собой взгляд передового участника. Здесь нет масштабного охвата событий, показывающих широкую панораму, но здесь присутствует взгляд из окопа. Пехотная рота была подобна «закопавшемуся в песок животному» [4, с. 39] и представляла собой спаянный коллектив, который объединяло единство судьбы. Двойственность человека на войне представляла собой присутствие его в коллективе, в боевом подразделении и одновременно одиночество, которое он испытывал, сталкиваясь со смертью в виде различных способов, которыми он мог быть убит. Он отмечал, что «в сущности, в этом воюющем сообществе, в этой роте, обреченной жить и умирать, особенно отчетливо обнаруживались странная текучесть и скорбь человеческого общения» [там же, с. 41]. Э. Юнгер подчеркивал стремительность времени, которое становится иным, чем в обычном состоянии. Люди жили мгновением, и с

«человечеством их связывали тонкие нити, которые могли порваться в любую минуту. <...> Когда рота несла очередную потерю, все остальные стояли над телом убитого, и взгляды их соприкасались глубоко и смутно. Но когда смерть грозным облаком нависала над окопами, тогда каждый был за себя, оставаясь один в темноте среди воя и скрежета, ослепленный взрывающимися молниями и не чувствуя в груди ничего, кроме безграничного одиночества» [там же, с. 39, 41].

В представлении Э. Юнгера солдат Великой войны был представителем своего времени и одновременно противоположностью ему. Буржуазная стабильность сталкивалась со стремлением к небуржуазности, риску, авантюре. Война лишь придала этим порывам дополнительный рывок, сделав их важными и естественными. То, что таилось в глубине души и вступало в конфликт с действительностью, здесь приобретало смысл. Война изменяла человека на свой лад, раздавливая или оттачивая его. «И Штурм, лежа в засаде, сознавал, насколько он изменился. Ибо человек, лежащий здесь за кустом репейника и сквозь прицел ружья высматривающий добычу, уже был не тот, кто всего два года назад со всей несомненностью шагал через толчею уличных образов, причастный до кончиков пальцев последним внушениям большого города. И все-таки что такое напало на него, на книжника, на завсегдатая кафе, на интеллектуала с нервным лицом? Что повлекло его в армию, оторвав от докторской диссертации? Что еще, если не война, которая была у него в крови, как было свойственно каждому настоящему сыну своего времени, задолго до того, как она огнедышащим зверем устремилась на арену явлений» [там же, с. 54]. Э. Юнгер полагал, что мотивами участия добровольцев в войне было чувство ответственности, которое в момент испытаний закаляло человека. Индивидуальность военного опыта определялась тем, что в сражениях каждый приобретал свое, как он отмечал, «тут самого себя пробуешь на зуб». В какой-то момент человек настолько сливается с битвой, что становится частью энергии, которая влечет его вперед, пробуждая в нем героизм: «Если бы путь Штурма не определялся непоколебимыми звездами Честь и Отчизна, если бы его тело не закалилось в упоении битвой, как в чешуйчатой кольчуге, он тащился бы под градом из огня и стали, как моллюск или как дергающийся клубок нервов». И только бой становился настоящим испытанием, когда начинается «вражеская атака после бешеного обстрела. Как выпрыгивают тогда лучшие и сильнейшие из своих укрытий и как накладывает на лучших свое тавро последний железный бросок, в то время как внизу в своих норах дрожат слабейшие, оправдываясь известным изречением: “Лучше на пять минут струсить, чем умереть навсегда”» [там же,

с. 43]. Смелость и героизм в бою определялись «утонченным чувством чести, когда малейший намек на трусость отторгается брезгливостью как нечто нечистое» [там же, с. 49].

Героическое присутствует в действиях солдата на своем участке сражения, в то время как сражение представляет собой участие огромных масс. Казалось бы, эта нивелировка должна была растворить индивидуальные действия в масштабных сдвигах, но происходило как раз обратное – сплетение индивидуального и массового. «Затерянность в пространстве смертельного одиночества, от которого негде скрыться, мощь стальных дальнобойных машин, невозможность передвигаться не иначе как ночью выдавали за произошедшее застывшую массу титана. В смерть бросались, не помня себя, и она наступала, приходя неизвестно откуда. Рассчитанный выстрел искусственного стрелка, прицельный огонь орудий вместе с восторгом единоборства уступили место неразборчивому пулеметному огню и сконцентрированным артиллерийским ударами. Решение можно было вычислить арифметически: кто накрыл определенную площадь в квадратных метрах большим количеством снарядов, тот зажимал уже победу в собственном кулаке. Грубый натиск масс на массы, кровавая схватка производства с производством, изделий с изделиями – вот что такое была битва» [там же, с. 45].

Э. Юнгер считал, что героическое всегда проявляется в действиях. И это выбор каждого. Каждый определяет свою грань, так как от этого зависит его жизнь и то, как он с этим будет жить потом. Этот выбор для Э. Юнгера был таким же, как и для его героев повести. «Пули проносились над воронкой, иногда задевая ее край. Хорна снова задела пуля, попав на этот раз в погон, так что повис большой, величиной с ладонь, кусок униформы. Противник, по-видимому, углубился в траншеи слева. Три боевых товарища вместе сидели на дне воронки, невозможно было поднять голову под жужжащим веером. Штурм смотрел то на одного, то на другого со странным чувством непричастности. Казалось, он на представлении чужой пьесы. Деринг был очень бледен, его кулак с легким дрожанием сжимал пистолет. Сапер был на удивление спокоен. Он отстегнул от пояса флягу, откупорил, выпил ее всю и отбросил прочь:

– Жалко, всего остального уже не выпьешь. –

События развивались очень быстро. Свистящий вихрь пуль налетел снова. Когда все трое поднялись, они увидели перед собой английскую штурмовую группу. «You are prisoners!» (Вы пленные! – англ.), – крикнул им голос. Штурм уставился в лицо сапера. Оно пылало белым пламенем. «No, sir» (Нет, сэр. – англ.), – раздался ответ, сопровождавшийся пистолетным выстрелом. Вместе с ружейным залпом

громыхнули ручные гранаты. Человеческие фигуры исчезли в облаке из огня, взвившейся земли и белесого дыма. Когда оно рассеялось, Штурм еще стоял. Он поднял пистолет, но его ударило в левый бок, лишив зрения и слуха» [там же, с. 104]. Смерть, сохранившая честь, смерть за Отечество в бою – вот выбор, который принимает лейтенант Штурм. В этом Э. Юнгер видел вершину героического. Следует заметить, что гибель трех друзей, трех лейтенантов роты является иллюстрацией следования не только долгу, но и товариществу. Три товарища Э. Юнгера были объединены общностью военной судьбы и единством героической смерти. Фигура лейтенанта Штурма обладает автобиографическими чертами, и это становится средством объяснения выбора, который мог быть сделан в боевой обстановке, выбора, к которому, скорее всего, склонился автор, к демонстрации стойкости солдата перед лицом смерти.

Особенностью восприятия войны Эрнстом Юнгером было стремление не только сохранить в памяти события сражений, в которых он принимал участие, но и постараться понять особенность и новый характер Великой войны 1914–1918 гг. Он стремился к сохранению памяти о войне и ее героях, фронтовых переживаниях окопных сражений Западного фронта. Для него она была не ошибкой или катастрофой, а процессом, способствующим становлению нового военного поколения, опирающегося на ценности любви к Отечеству, решительности, мужества и чести. Он не считал, что поколение немцев, ветеранов прошедшей войны, следовало бы отнести к «потерянному поколению», как это сделал Э. М. Ремарк в своем известном романе «На Западном фронте без перемен». Для Э. Юнгера позиция последнего была неприемлемой и представляла собой, как он выразился, камуфляж. Ветераны Великой войны 1914–1918 гг. были в его глазах поколением будущего, которое на полях сражений доказало свое право формировать новое германское государство, отличное от Веймарской республики, в котором оно займет достойное ведущее место. Историческая память о войне служила политической идентификацией в условиях политической борьбы в Веймарской республике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юнгер Э. Рискующее сердце. Версия первая. Записки днем и ночью / Э. Юнгер // Юнгер Э. Рискующее сердце / пер. с нем. В. Б. Микушевича. – СПб., 2010.
2. Юнгер Э. Сады и дороги / Э. Юнгер ; пер. с нем. Е. Воропаева. – М., 2008.
3. Юнгер Э. Семьдесят минуто : дневники 1965–1970 / Э. Юнгер ; пер. с нем. Е. Воропаева. – М., 2011.
4. Юнгер Э. Лейтенант Штурм / Э. Юнгер // Юнгер Э. Рискующее сердце / пер. с нем. В. Б. Микушевича. – СПб., 2010.

5. Юнгер Э. В стальных грозах / Э. Юнгер ; пер. с нем. Н. О. Гучинской, В. Г. Ноткиной. – СПб., 2000.

6. Юнгер Э. Сердце искателя приключений. 2-я ред. Фигуры и каприччо / Э. Юнгер ; пер. с нем. А. В. Михайловского. – М., 2004.

7. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт / Э. Юнгер // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт ; Тотальная мобилизация ; О боли / пер. с нем. А. В. Михайловского. – СПб., 2000.

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

Артамошин С. В., доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений

E-mail: artamoshinsv@mail.ru

Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky

Artamoshin S. V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History and International Relations

E-mail: artamoshinsv@mail.ru